

Борис Хазов



Рассказы
Дмитровчанина



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Федорович Хазов

Записки Дмитровчанина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62088042

SelfPub; 2020

Аннотация

Часто, глядя на окружающий меня мир, на людей с которыми общаюсь по жизни, прихожу в недоумение. Все люди, как люди, живут спокойно. Если попросить рассказать что-нибудь интересное из их жизни, то можно дождаться один – два эпизода, о которых можно рассказать окружающим, а то и ни одного. Со мной же всю жизнь, постоянно, происходят самые разные истории. Начиная с детства и до вполне пожилого возраста. Всю свою сознательную жизнь я попадал и можно сказать «влипал» в самые разные обстоятельства. И трудно сказать я их находил или они меня находили, как наиболее подходящего субъекта. Скорее это все-таки судьба или как сейчас модно называть «карма». Раньше я не обращал на это особого внимания. Ну случилось и случилось. Пережил же. Зато потом, вспоминая эти случаи в кругу близких и друзей, я заметил, что многим нравится слушать эти истории. И я решил этим воспользоваться. Раз они у меня были, то значит надо их записать в отдельную книжечку. Вот и записал. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Пистолет	8
Случай на кладбище	14
Русский язык	23
Герой	36
Политура	48
Химия и карьера	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Книгу посвящаю своей жене Ирине...

*«Интересное случается с тем, кто умеет
рассказывать...»*

Г. Малкин

Предисловие



Глядя на эту фотографию, где сидят два брата, прочитавший эту книжку, сразу определит в ней автора.

Часто, глядя на окружающий меня мир, на людей с которыми общаюсь по жизни, прихожу в недоумение.

Все люди, как люди, живут спокойно. В детстве ходят в ясли – сад, потом в школу – техникум – институт. Женятся, растят детей. Работают, ведут личное хозяйство. Кто-то путешествует, увлекается разнообразными «хобби». И в конце жизни нянчатся или не нянчатся с внуками, лечат приобретенные за долгую жизнь болезни. Но в целом когда беседуешь с большинством людей – жизнь более или менее у них спокойная. Если попросить рассказать что-нибудь интересное из их жизни, то можно дождаться один – два эпизода, о которых можно рассказать окружающим, а то и ни одного.

Со мной же всю жизнь, постоянно, происходят самые разные истории. Начиная с детства и до вполне пожилого возраста. Всю свою сознательную жизнь я попадал и можно сказать «влипал» в самые разные обстоятельства. И трудно сказать я их находил или они меня находили, как наиболее подходящего субъекта. Скорее это все-таки судьба или как сейчас модно называть «карма». Раньше я не обращал на это особого внимания. Ну случилось и случилось. Пережил же. Зато потом, вспоминая эти случаи в кругу близких и друзей, я заметил, что многим нравится слушать эти истории. И я решил этим воспользоваться. Раз они у меня были, то значит

надо их записать в отдельную книжечку. Вот и записал.

Пистолет



На краю распаханного еще осенью поля, там, где начинался, ольховый перелесок, в небольшой ложбинке, закрытой кустами от довольно холодного майского ветра, горел небольшой костер. Серый дымок, от сырых палок и валежника, странной фигурой поднимался над кустами, а потом ветром разрывался на лохматые куски и разносился над макушками деревьев в разные стороны.

Рядом с костром сидели на небольших пеньках двое маль-

чишек: десяти и двенадцать лет и вели, судя по их озабоченных лицам, интересный разговор. Одеты они были в какие-то теплые курточки непонятного серо-черного цвета. На головах кепки, на ногах черные, довольно грязные, резиновые сапоги. Да и не удивительно, что грязные. Если посмотреть сверху на эту картину, то были бы видны на вспаханном, с рыхлой пашней, поле, две цепочки глубоких следов, ведущих от Пролетарского поселка, где жили мальчишки, до леса.

Листвы на деревьях и кустарниках еще не было, даже почки не набухли. Во многих местах вокруг кустов и оснований деревьев лежал отдельными островками нерастаявший, рыхлый, грязноватый снег. Весна была поздней. Вокруг было сыро и не совсем комфортно. Но мальчишек это совершенно не волновало. К этому дню, а это было третье мая – в школе каникулы, друзья готовились давно.

Причем, зная, что костер в такую погоду разжечь не удастся, они притащили с собой старые газеты и обломки «плексигласа», так они называли оргстекло, за которым они заранее сбегали в населенный пункт «Гагат», где была расположена большая свалка различных отходов пластика. Там, тогда располагалась фабрика по изготовлению мундштуков. До нее от поселка, где мальчишки жили, было примерно четыре километра, и чтобы просто сбегать туда, это уже был серьезный поступок, за который могло попасть от взрослых. Так что делалось все в большом секрете.

А теперь, сидя у разгоревшегося костра, ребята, даже курточки сняли и сидели в рубашках. Кстати, старшего младший звал Вовкой, а младшего старший звал Бориской.

А забрались дружки сюда подальше от чужих глаз, потому что у них была «Тайна» с большой буквы. И никто не должен был об этом знать.

А тайной этой был пистолет, который Вовка нашел, в старом разваленном сарае, на краю деревни. Пистолет был марки «ГТ». Они, кстати, уже разбирались в марках оружия. И вообще, они считали себя взрослыми. Так вот, пистолет был, судя по всему, захоронен сразу после войны или во время военных действий, которые проходили прямо по их поселку. Причем, был он весь ржавый, даже можно сказать, заросший ржавчиной. И ребята, притащив с собой тряпки, бабушкину масленку, старые напильники, старательно пыхтя, по очереди скоблили напильниками, ржавчину, при этом рассматривая и обсуждая каждую новую деталь, проявившуюся на болванке пистолета. В конце концов часа через три пистолет был очищен. Но затвор не передергивался, даже курка на нем не было. Зато через дырки на рукоятке была видна обойма с золотистыми, как будто новыми патронами. Щечек на рукоятке не было: или сгнили, или рассыпались в прах, если были из дерева, и поэтому обойма с патронами была видна хорошо. Но вытащить ее ребята не смогли. К этому времени они уже довольно подзамерзли, да и есть хотели. Решили поиграть в пограничников, а потом пойти домой. Первым

пистолет взял Вовка, наставил на друга и скомандовал:

– Руки вверх, хенде хох!

А младший бросился на него и попытался приемом «Самбо» выхватить пистолет, а заодно, подставив ногу, повалил на землю. Борьба была прямо настоящая и, когда они устали кувыркаться на прошлогодней сырой листве и потухшей траве, видок у них был еще тот. Но Вовка победил, все-таки постарше и посильнее. Пришлось Бориске с поднятыми руками идти на заставу, к костру. Запыхавшиеся, пришли отдохнуть и отдышаться. Стали обсуждать, а как надо было подходить к человеку с пистолетом, как руки захватывать, ну и так далее. Все из «Самбо». А когда отдышались, решили еще раз попробовать применить приемчики. Сначала Вовка стоял с пистолетом, а Бориска пытался схватить руку и вывернуть пистолет, ну, а потом Вовка отдал пистолет Бориске и стал показывать, как надо проводить приемы самозащиты. Хочу еще раз напомнить. Так как курка у пистолета не было, то ли отломан был, то ли отгнил, то ребята и не беспокоились на счет безопасности. Здесь, где они жили, проходила линия фронта. Даже окопы еще сохранились и многие ребята, да и они в том числе, частенько там рылись, искали патроны и другие «штучки», а потом взрывали в кострах, предварительно спрятавшись. Находили мины и даже бомбы, но это уже передавалось взрослым. Но, конечно, хватало и жертв. Но тут-то ничего страшного. И когда Вовка сказал приставить пистолет ему к спине, чтобы локтем, с поворотом вы-

бить пистолет, то все было так и сделано. Бориска приставил пистолет к спине. Вовка, поворачиваясь вправо, ударил локтем по пистолету... И тут взрыв. Грохот, вспышка, все в дыму. Оба мальчишки упали в разные друг от друга стороны. Пистолет выстрелил... весь ржавый, без курка... он валялся на траве у костра... Первым вскочил Бориска, подбежал к Вовке. Тот лежал на спине и правой рукой держался за окровавленный бок. Увидев друга, зашептал:

– Бориска, беги за мужиками.

С тех пор прошло шестьдесят лет, но я как сейчас помню тот бег, когда я, схватив куртку, побежал напрямик, через кусты, спотыкаясь и падая, когда, задыхаясь от бега, бежал по мягкой пашне, тоже спотыкаясь и падая прямо в грязь. Подбежав к дому Вовки, я уже не мог даже дышать. Такой задыхающийся, с залитым слезами и потом лицом, весь в грязи, вбежал в дом к Вовке и увидев его отца, закричал:

– Дядя Миша, я Вовку нечаянно застрелил!

И упал на пол без сил. Меня что-то спрашивали, я что-то отвечал, но ничего не помню. Мужики из поселка по следам нашли Вовку. Самый сильный парень поселка, Володя Судаков, отнес на руках Вовку до Яхромской больницы, где очень известный хирург с военным прошлым, Просенков, сделал Вовке операцию. Пуля пробила печень, в четырех местах кишечник и вышла в двух сантиметрах от позвоночника. Врач сказал, что Вовке «повезло».

Я каждый день бегал к своему дружку в больницу, рас-

сказывал о том, что происходит среди ребят в поселке, приносил передачи. А он мне показывал свой забинтованный торс.

А концовкой всему этому стал после выписки из больницы Вовки вызов с родителями в милицию. И вердикт – по 50 рублей штраф, с каждого.

С Вовкой мы дружили всю жизнь, хотя нас и разбросало по стране, мы все равно писали письма друг другу. Посылали приветы, по случаю. А когда, очень редко, но встречались, то не могли наговориться.

А однажды он из экспедиции привез сырую печень, какого-то дикого зверя, рассказал как ее в Сибири сырую, мороженную, едят, и мы с ним вдвоем ее сырую, под водочку съели...

Но это уже другая история...

Случай на кладбище

*Если будешь любознательным,
То будешь многознающим*
Сократ – философ
470 г.д.н.э.



Я поскользнулся и упал, скорее съехал по мокрой траве, в очередную неглубокую яму, скорее всего давно обвалившуюся могилу, заросшую огромной в человеческий рост крапивой и репейником. Опять ударился, ободрал сразу и руку и ногу. Все тело ныло и зудело от ожогов крапивы, ободранное везде где только возможно репейником и ветками какого-то мелкого колючего кустарника, то ли дикого шиповника, то ли дикой ежевики. Да и не удивительно. На мне были и одеты только шорты и футболка с короткими рукавами. Один сандаль с ноги я где-то потерял и поэтому натыкаясь босой ногой, на какие-то обломки камней, на железяки, по видимому остатки древних захоронений, постоянно вскрикивал от боли. Руки, ноги, даже лицо все было ободрано отдельными местами до крови. Глаза слезились от ударов мелких веток хлеставших по мне. Поэтому приходилось одной рукой все время прикрывать лицо и одновременно поддерживать болтающийся на шее, закрытый чехлом с кожаным ремешком, фотоаппарат. Все это усугублял, так не вовремя, пошедший дождь. Капли дождя падая, на листву кустарников и траву, создавали шум заглушающий практически все звуки. А сплошная чернота ночи вывела из строя, если можно так сказать, глаза. Глухая черная, пречерная темнота, как говорят во всяких ужастиках, а я сижу на старом кладбище, в какой-то полуобрушенной могиле, мокрый, весь никакой, да еще трясусь от страха. На память приходят разные жуткие истории, которые мальчишки рассказывают друг другу вече-

рами. Про всяких вампиров, вурдалаков, оборотнях и прочих существах и о том что они делают с глупыми мальчишками, которые зачем-то лезут на заброшенные кладбища, да еще ночью. Я сидел на дне ямы, весь мокрый, грязный от налипшей и измазавшей меня всего глины и плакал.

Всего час назад, я был у брата в пионерском лагере «Андреевское» от Яхромской прядильно-ткацкой фабрики. Мама отправила меня проведать братишку, который был на последнем перекате, и поиграть с ним, а вечером забрать у него фотик, во избежание и вернуться домой. Я там с мальчишками заигрался, а когда надо было уходить, уже стемнело. В конце августа в десять вечера, в нашей климатической и географической широте, всегда темно. Поэтому покинул пионерский лагерь уже в полной темноте. Дождя я, конечно, не ожидал. Домой на Пролитарский поселок, это примерно три километра, можно было дойти по двум дорогам. По шоссе, идущему через деревню Андреевское или на прямик, через лес по тропинке. При этом по шоссе было примерно на километр – полтора дальше. Поэтому мы, почти всегда, бежали по короткой тропинке. Почему всегда, да потому-то это была самая короткая дорога на Астрецовское озеро, где был открыт летний пляж для детей, и было много мест для рыбалки на зеркального карпа.

Минус был один. Между двумя дорогами лежало старое заброшенное кладбище. И если к шоссе выходил маленький угол кладбища, то вдоль дорожки оно тянулось...в общем

долго тянулось. Каждый раз, даже в яркий солнечный день, мы старались участок дорожки проходящей вдоль кладбища как можно быстрее пробегать. Единственная тропка на кладбище вела с шоссе к большому дубу, на взгорке, возле которого было захоронение наших летчиков со сбитого немцами самолета.

Некоторые мальчишки хвастались, что переходили днем кладбище поперек и рассказывали всякие страсти-мордасти.

А тут я, когда бежал мимо кладбища уже в полной темноте, вдруг услышал непонятный звук. Как будто железкой по железке стучат, но не сильно. Знаете как бывает, в любой знакомой обстановке все звуки, шорохи знакомы и когда вдруг слышишь что-то инородное это «режет» слух. Так и здесь. Я остановился, примерно на середине пути и прислушался. Звук было слышно еле еле, но четко с кладбища. Остановился. И сразу со всех сторон меня окутала необычная тишина. Когда бежишь по дорожке, то топаешь ногами и уже не так страшно. А тут меня, от жутких ощущений, даже затрясло. Представьте, в лесу, ночью, нигде, ни одного огонька, темень такая, что как говорят «Хоть глаз выколи». Да еще тишина и звук. Если бы он был ритмичным, как тикают часы или в нем прослушивалась какая-нибудь система, я бы побежал дальше. Но тут было нечто иное. Звук был неритмичным, иногда прекращался, было такое чувство, что где-то кто-то работает. И тут же мысли в голове. Кто-то могилу раскапывает или клад старинный. Вспомнился Том Соьер с

Гекберли Финном, как они наблюдали индейца Джо, когда он раскапывал могилу вдовы на кладбище. И я не удержался. Было ужасно страшно, но любопытство победило. Раздвинув придорожные кусты пошел на звук, стараясь наступать очень тихо. Пройдя несколько шагов понял, что просто так пройти невозможно. Я буквально оказался в ином мире. Все было другое. Вот какая-то костлявая рука схватила меня за плечо. Душа в пятки сразу рухнула. Я от страха даже присел. Начал шарить руками и понял, что это не чья-то рука, а ветка колючего кустарника. А в темноте не видно. Еще шаг, другой, ноги обвила своим туловищем змея, запнулся об нее и упал. Пощупал, а это старая веревка в траве. От страха меня всего колотило. И я подумал, а ведь это совсем другой мир. Мир который отличается от того где мы все живем. Мир в котором живут наши фантазии, ведь мы ничего не видим. Не удивительно, что здесь могут жить самые странные выдуманные нами существа. Тут я подумал, а как же живут слепые люди? Единственные ориентиры, только звуки. И для меня, во всей этой страшной темноте, путеводной звездой был тот непонятный звук. Надо было идти дальше, не смотря на все страхи и реальные и нереальные. Надо было чем-то раздвигать, практически сплошные, заросли крапивы высотой с мой рост и другой колючей царапающей травы и кустарника. Начал шарить под ногами, нашел какую-то палку и пошел в полной темноте потихоньку дальше. Вздрагивая от каждого шороха и треска сухих веток

под ногами. Страшно ведь. Пройдя по ощущениям метров тридцать, услышал непонятный звук. Это был какой-то шорох или как будто ветер листвой в лесу шевелит. Я замер. И тут на меня обрушился буквально вал воды. Дождь, да сильный такой. И холодный. Шум, как я понял, был от ударов капель приближающегося дождя по листве и траве. Но мне от этого легче не стало. Полная темнота вокруг, дождь хлещет, ничего не слышно. Я потерял направление по которому крался. Шум дождя полностью забивал все звуки. Мне показалось, что и стук по металлу прекратился. Тут я не выдержал и побежал, напропалую через кладбище, натыкаясь на железные поломанные ограды, какие-то скамейки, поваленные каменные плиты, проволоку, ударяясь, падая, проваливаясь ногами в какие-то ямы. И так до тех пор, пока весь избитый и оцарапанный не упал, точнее съехал в очередную яму, где сидел и плакал от боли и обиды на себя и весь непонятный, нереальный как мне казалось несправедливый окружающий мир. Выплакавшись, задумался, а что дальше. Куда идти я не представлял, просто заблудился. И решил съжившись в комочек, просто посидеть на месте и дожидаться окончания дождя. Я уже ничего не боялся, просто сидел. Капли и струи дождя, холодными ручейками, стекали по голове, плечам и спине куда-то вниз под шорты...

Через какое-то время дождь начал стихать, а потом закончился. Только отдельные крупные капли иногда падали на меня. Тут я опять услышал металлический звук, который и

толкнул меня на эту авантюру. У меня опять появился ориентир и можно было идти дальше. И я пошел, обливаемый потоками воды, с окружающих меня кустов, все так же спотыкаясь на всяких кочках, стучаясь непонятно обо что, пока не понял, вздрагивая от страха от всех прикосновений и шумов, что звук где-то рядом. Кроме того мне показалось, что мелькнул какой-то лучик света и тут же пропал. Я дернулся в том направлении, нога не почувствовала опоры и я упал перекувырнувшись через голову и покатился в какую-то яму.

Когда пришел в себя, перед глазами, невдалеке, в полной темноте, чернело что-то большое и громадное, и оттуда-то раздавались звуки и мелькал огонек.

Я понял, что вернулся в нормальный мир, что лежу в кювете рядом с шоссе, а на обочине стоит грузовая машина, которую кто-то чинит. Выполз к машине, поднялся держась за бампер и вдруг услышал:

– Парень, ты что там стоишь, залезай сюда на капот.

Какого мальчишку надо упрашивать, когда в машину приглашают. Я быстро залез на бампер, увидел открытый капот двигателя, где, в луче маленькой лампочки, шофер чего-то делал.

– Подержи лампочку, а то мне не удобно и светить и ремонтировать.

Я подвинулся по бамперу поближе, взял лампочку и стал светить туда куда показывал шофер. Через некоторое время, он закончил ремонтировать, пошел завел двигатель.

– Слезай, садись в машину.

Меня упрашивать не надо. У меня папка шофер, я знаю как двери открывать Быстро забрался в кабину. Шофер сел тоже и говорит:

– Ну спасибо, помог. Тебя как зовут-то?

– Боря.

– А меня дядя Коля. Далеко тебе, откуда идешь?

– На Пролетарский, из пионерлагеря иду, брата навещал.

– Ну ничего, сейчас быстро доедем.

– А меня папка, тоже шофер, – похвастался я.

– Ладно, сиди давай, погрейся вон весь мокрый сейчас подьдем.

Я сидел в теплой машине, которая ехала по шоссе, освещая фарами мокрую дорогу и представлял как буду рассказывать ребятам о том, что я ночью прошел через кладбище, да еще и на машине прокатился. Не поверят ведь. И все что было со мной, под ровный шум мотора стало потихоньку отступать куда-то далеко, далеко.

Русский язык

*«Мужество – добродетель, в силу которой люди в опасностях совершают прекрасные дела...»
Аристотель (IV в. до н.э.)*

Вообще-то я русский, по паспорту. А по сути я не совсем понятной национальности, Мама моя была латышкой еврейского происхождения или, наоборот, еврейкой латышского происхождения. Папа же мне всегда говорил, что у него в предках были и русские и греки и с гордостью показывал свой красивый и большой с горбинкой нос. Это, дескать, от греков достался. Мы жили тогда в Латвии, в городе Цесис. Поэтому, когда встал вопрос, где учиться, меня недолго думая, отправили в русскую школу с латышским уклоном. Ну и говорил я одновременно и на русском, и на латышском. Когда я кончил два класса школы, вся наша семья из четырех человек, родители и я с младшим братом, переехала жить на родину отца, в небольшой подмосковный, можно сказать патриархальный, городок Яхрому. С собой я захватил учебники латышского языка за несколько классов, и началась совсем новая жизнь. Учился я посредственно, были и четверки, и пятерки, но по русскому языку всегда была тройка. Орфографию я знал на четверку, а вот синтаксис, можно сказать, на двойку, и в целом выходила тройка. Мне так кажет-

ся, что проблемой в синтаксисе было сочетание в мозгах у меня сразу правил двух совершенно разных языков: русского и латышского, а уж когда добавился немецкий, то и говорить нечего. Но ничего страшного в этом не было, и я потихоньку доучился до окончания семилетки. Тогда начальное образование было семь или восемь классов. С трудом на троечки поступил в строительный техникум, куда поступал вместе с двоюродным братом, Николаем. И началась наша «взрослая» студенческая жизнь. Нас в группе было сорок человек. Причем, так получилось, что примерно половина принята после десятого класса, то есть довольно взрослые по сравнению со мной, еще одна треть группы были после восьмого класса. Как раз в это время, в 1961 г. началась реформа образования по переходу на восьмилетку. И осталась одна маленькая толика студентов, самых маленьких, после семилетки, в которую входил и я. Учеба у нас началась с натуральной работы на «стройке» и в «колхозе». Возили в течение двух месяцев на стройку в п. Синьково. Там как раз строили комплекс зданий Министерства сельского хозяйства СССР. Туда планировалось перевезти из Москвы. Поближе, так сказать, к «земле». А мы все и подчищали. Убирали мусор, наводили порядок на территориях. В общем, было интересно. Заодно и сдружились все. С одной стороны, это был «плюс», а с другой... Когда начались занятия, то оказалось, что для большей части группы ничего сложного нет. Они большую часть материала программы восьмого класса уже проходи-

ли. А для «семилеток» оказался провал. Из четырех месяцев первого полугодия, два месяца мы жили веселой студенческой жизнью, а потом надо было догонять... Ну и, конечно, я «просел». Русский язык, математика, немецкий язык успешно катились в сторону «двоек», а значит, и к отчислению из техникума сразу после нового года. Я, конечно, старался. Директор техникума Николай Ипполитович Лавренов вызвал моих родителей на беседу и посоветовал взять-нанять репетиторов. Что мои родители и сделали. А учитывая, что репетиторы были преподаватели из техникума, то троечки я получил и соответственно остался учиться дальше. Хочу сказать, что больше всего студентов нашей группы после Нового года стали получать стипендию. Те, кто закончил без «троек». Да и неудивительно, они все, в основном, повторно проходили программу восьмого класса. И каждый месяц получали по двадцать рублей. Это вызывало жуткую зависть у «троечников», да и родителям хотелось материально помочь. Все-таки жили мы бедновато. Мама, кстати, с репетиторами рассчитывалась тем, что шила по заказам платья, кофточки и что-то еще. Она была классная портниха. Ну и я, конечно, старался во втором полугодии, что бы год закончить на «четверки». Но не получалось. По всем предметам «четыре» и «пять», а по русскому «три с минусом». Фактически «двойка». И опять синтаксис. Немного отвлекусь. Русский язык и литературу нам преподавала Мария Марковна Лавренова, мы ее звали просто «Марковна», как вы поняли,

жена директора техникума. Интеллигентная, очень грамотная, как мне кажется, знающая все книги, о которых я тогда слышал и читал, вежливая, в общем, настоящая учительница. По литературе мы с ней прямо «спелись»: ставила мне только «пятерки», а в «диктантах» и «изложениях» запятуя поставит красной ручкой – галочку на полях, то есть ошибка. Запятуя зачеркнет – то же самое. И в итоге на полях тетради или листочков двадцать галочек – итог, «два». Изложено хорошо. Текст пронизан смыслом, сюжет описан замечательно, а в результате «два». Короче, поставила мне «три с минусом» и на переэкзаменовку в августе.

И наступило первое студенческое лето. Представляете, пятнадцать лет. Лето, каникулы. Все цветет и пахнет. Гормоны в крови бушуют. Это я сейчас знаю, что гормоны, а тогда хотелось чего то такого... совершить. Подвиг какой-нибудь. С моста железного через канал прыгнуть или еще что-нибудь сотворить... Книга и фильм «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна с его песенкой «Кто привык за победу бороться...» тоже толкали вперед. Взрослые, учителя в техникуме наверняка об этом знали. Через них этих пятнадцатилетних прошел не один десяток, если не сотни. И поэтому, нас всех первокурсников в начале июня 1962 года собрали в отряд и предложили поехать в военно-спортивный лагерь, на берег реки Дубны.

Под чутким руководством военрука и физрука Павла Петровича и родителей, мы два дня готовились, а потом, перено-

чевав на партах в техникуме (очень рано автобус выезжал), нагруженные рюкзаками, мешками с продовольствием и инвентарем поехали в «путешествие».

Речка Дубна от Дмитрова протекает где-то на расстоянии двадцати километров. Ранним солнечным утром автобусы выгрузили толпу ребят на шоссе рядом с рекой. Сквозь легкий туман, освещенный лучами восходящего солнца, виднелась темная водная гладь реки, которую мы рассматривали с моста. Ширина реки была примерно тридцать сорок метров. На берегах рос лес, причем, на правом берегу – настоящий хвойный, а на левом, насколько можно было рассмотреть, – лиственный. Лагерь надо было разместить на правом берегу, на расстоянии примерно трехсот метров от шоссе. С него мы спустились по крутому откосу и углубились по извилистой тропинке, повторяющей изгибы реки, в лес. В предвкушении чего-то такого необычного мы не обратили внимание даже на то, что трава была по пояс и вся покрыта росой. В результате после пятидесяти метров мы все были мокрые по пояс, снизу разумеется. Холодная роса намочила одежду, просочилась во все виды обуви. Мы шли хлюпая ботинками, китайскими кедами, резиновыми сапогами по скользкой глиняной тропинке, огибая ели и кусты, с которых и на верхнюю часть наших требующих романтики тел лилась вода. Короче, когда мы метров через триста вышли на нужную поляну на берегу реки, то были насквозь все мокрые. Кроме того, на нас напали комары. И когда мы вышли на место будущего

лагеря, нас там ждала торжественная встреча с целыми полчищами комаров, которые шеренгами и колоннами набросились на нас и устроили горячий прием.

Так и начался наш военно-патриотический романтический быт. Можете представить себе, как утром просыпаются шестьдесят мальчишек и девчонок, вылезают из палаток и бегут в ближайшие кусты. Мальчики на право, девочки налево. Потом зарядка, умывание у примитивных ручкомойников, построение. А затем дежурные по лагерю начинают готовить на костре завтрак, а все толпой носят дрова, воду и все, что нужно для приготовления завтрака. Представьте, что нужно приготовить и накормить шестьдесят подростков. До сих пор поражаюсь силе и настойчивости Павла Петровича. Он сумел всех так организовать, что мы все делали сами: заготавливали продукты, варили, потом все мыли, убрали и так три раза в день. Кроме того, Николай Ипполитович организовывал походы в лес за черникой и грибами, на рыбалку и многое другое. Всем находились дела. Было время и отдохнуть. Купались, играли в мяч, загорали, плавали по реке на алюминиевой лодке, которую притащили откуда-то из Вербилков. И, конечно, были вечерние посиделки у костра. С песнями, рассказами, смехом от рассказываемых анекдотов, подшучиванием друг над другом. И постоянным обмахиванием ветками от комаров и слепней, которых было очень много. Сначала было вообще не возможно – а потом привыкли.

Так вот случилось это примерно на третьей неделе нашего досуга. Мы все уже освоились, каждый знал, чем будет заниматься завтра, и с утра, сразу все занимались тем, что запланировано. А тут к нам приехал директор техникума Николай Ипполитович с женой Марией Марковной и двенадцатилетней дочерью Наташей. В лагере у нас был порядок, поэтому Павел Петрович нас всех распустил, кроме дежурных, по своим делам. Я вместе с Лешкой Пономаревым переплыли на другой берег реки и пошли на отмель метрах в пятидесяти от лагеря заниматься отработкой приемов борьбы из разных единоборств, стоя в воде, как бы преодолевая сопротивление воды.

Был летний солнечный день, и когда мы с Лехой уже устали от прыжков, размахивания руками и ногами, то услышали крики. Кричали, за небольшим поворотом речки, и нам не было видно, что там случилось. Но что-то серьезное точно. И мы вдвоем, я впереди, а Лешка за мной, побежали что было мочи в ту сторону. Вы когда-нибудь бегали по колени в воде? На заросший кустарником берег мы не смогли выбраться. Так и «чесали» прямо по речке. И когда выскочили за поворот, то увидели странную картину. Кричала Мария Марковна – Наташа тонет, спасите Наташу! При этом Наташа залезла на «Марковну» и топила ее. Причем, голову Марии Марковны в тот момент, когда мы подбежали поближе, уже не было видно. Она скрылась под водой. А за ней не стало видно и Наташу. Та тоже ушла под воду. Я, чест-

но говоря, после такой пробежки еле дышал. Но когда увидел, что «Марковна» и Наташа скрылись под водой, вдохнул побольше воздуха и нырнул в воду. От того места, откуда я нырнул, до виновниц события было метров десять – пятнадцать, дно и река имела течение. Но, хочу заметить, мы с мальчишками постоянно ныряли и плавали под водой, кто больше проплывет. И тут это помогло. Я сразу нырнул на дно реки в том месте, где тонули. Яркое солнце просвечивало воду до самого дна. И как-то озираясь и стоя на дне реки ногами, вдруг увидел, как на меня так плавно, спиной опускается Мария Марковна. Я забыл рассказать одну особенность Марии Марковны. Она была очень крупная женщина. Ростом под метр девяносто, а габариты, как у Фреккен Бок из «Мальша и Карлсона». То есть я по сравнению с ней выглядел как «мальш». И вот на меня, спиной, опускается, такое ощущение, громадный «бегемот» в отдельном купальнике. В лучах солнца пронизывающих водное пространство и учитывая, что я сам уже стал задыхаться от нехватки воздуха, – это было нечто – какой-то «сюрреализм». Да и страшно. Я помнил рассказы, что утопающие могут моментально утопить спасателя и что к ним нельзя подплывать спереди. Но выбора уже не было. Я схватил сзади это громадное тело со стороны спины и, оттолкнувшись от дна ногами, сильно вытолкнул ее наверх и в сторону берега. Задыхаясь, вынырнул, вдохнул воздуха. «Марковны» опять не было наверху. Я опять нырнул на дно, и опять она так же опускалась спи-

ной на дно – я опять ее вытолкнул на воздух. И так три, четыре раза. Хочу сказать, мы всегда, когда ныряем, смотрим под водой. Конечно, вода немного искажает видимость, но все равно все видно. Особенно в чистой проточной воде. И вот когда я дотолкал «Марковну» до довольно крутого глинистого берега и она его почувствовала ногами, она вдруг как дернется, упала вперед и поползла прямо по глине, на коленях, цепляясь руками за траву, клочками торчавшую из берега, и за свисавшими ветками кустарника. Я продолжал ее подталкивать, можно так сказать в «корму». А когда она упала на берегу лицом прямо в грязь, то за руки вытащил ее на берег. Она вся в грязи, плачет, да я сам еле живой. Грязный, пару раз упал рядом с ней, пока вытаскивал, отдышаться никак не мог. Но тут меня «торкнуло», а где Леха? Поворачиваюсь к реке и тут под водой мелькнула темная Лешкина голова и светлая Наташкина. Метрах в четырех-пяти от берега. Кажется, что такое четыре-пять метров? Да ничего, а в воде они могут отделять жизнь от смерти. И ничего не поделаешь. Кажется, вот-вот, а людей уже не видно. Ну я бухнулся в воду. Назвать это прыжком было бы слишком. Ушел под воду, а вода мутная, мы с Марковной «сбаламутили». Но черную голову Лешки увидел. Хвать за волосы и потащил к берегу. Вижу под водой, как его лицо перекосилось, но он двумя руками держал Наташку. И как только я смог достать до дна ногами и вытащить его на воздух, Леха заорал – отпусти волосы, больно же. Кое-как, скользя по глине и падая,

мы вдвоем вытащили Наташу на берег и тут же положили животом на мое колено, чтобы вода вылилась из нее. Короче, сплошной кошмар, кашель, сопли, слезы со всех сторон. Наташа, после того как из нее вода вытекла и стали делать искусственное дыхание, очнулась. И как всегда, когда, как говорится, герои сделали свое дело, прибыла помощь. Прибежали все из лагеря. Увели «Марковну», унесли Наташу. А мы с Лешкой остались на берегу. Грязные, исцарапанные, обожженные крапивой, растущей на берегу, усталые донельзя, мы лежали на берегу, смотрели на облака, плывущие по голубому небу, на солнышко, сверкающее между листьев колыхающихся под ветром деревьев, и никак не могли отдышаться. Не знаю, сколько времени прошло. Но потом, отдышавшись, пошли в речку отмываться от грязи. Затем занялись своими делами по распорядку.



А вечером у костра всем нам был сделан сюрприз, нет не так, «Сюрприз» с большой буквы. К вечернему костру и чаепитию приехал сам директор, Николай Ипполитович, и привез с собой громадный кулек, килограммов семь или даже десять, шоколадных конфет. Я вам скажу, в те времена это было что-то. Многие из нас, да, наверное все, шоколадные конфеты ели только на новый год или на свой день рождения. Он нас всех похвалил за успешное окончание учебного года и за хорошую организацию военно-спортивного лагеря. Вместе с нами спел несколько песен. Поблагодарил меня и Леху и уехал. Конфеты мы ели с чаем несколько вечеров. Ну а спустя некоторое время все, что было в этот день, забылось, было замещено новыми событиями, играми и походами. Все мы даже спустя больше пятидесяти лет на встрече однокурсников помним этот лагерь, наши посиделки у костра, песни и дружбу, которая хотя бы и в памяти, но у нас у всех сохранилась.

Ну, а что до русского языка, экзамен я пересдал на «четверку». С учительницей Марией Марковной мы стали и остались долгие годы друзьями. Во всех моих сочинениях и изложениях, она так же, как и раньше исправляла мои синтаксические ошибки красной ручкой, но галочки на полях не ставила.

Через много лет, когда я пришел из армии, они, я имею ввиду Николая Ипполитовича и Марию Марковну, все так

же работали в техникуме. И когда я пришел их навестить, всего меня затискали, заобнимали, предлагали работу главным архитектором в г. Великие Луки, тогда техникум распределял студентов по всей России. В общем, до сих пор, когда я их вспоминаю, у меня на душе теплеет. Ну а то что я рассказал вам, это просто одно из событий в моей жизни. Оно сохранилось у меня в памяти, как серьезное и одновременно юмористическое.

Герой

Когда пригреешь на груди змею, на душе становится теплей...

Во время нахождения в военно-спортивном лагере, под поселком Вербилки, на реке Дубне, о котором я уже рассказывал, это когда мы Лешкой Пономаревым спасали утопающих, произошло еще одно событие, о котором хочется рассказать. Стояло теплое, солнечное лето. Мне в лагере исполнилось шестнадцать лет. Жизнь, как говорится, цвела и пахла. Тем более, что жили мы на поляне, в хвойном лесу, на берегу реки. Тренировки, спортивные занятия, походы в лес за грибами и ягодами – все это укрепляло наши тела. А уход за собой, дежурство по лагерю, приготовление пищи на шестьдесят подростков три раза в день, уборка, мытье посуды приучали к дисциплине и определенному порядку в наших головах. Все это шло нам только на пользу... Если вы вспомните себя в шестнадцать лет, то поймете, почему я так говорю. Шестнадцать лет, в нас творилось что-то невообразимое. Трудно и почти невозможно описать чувства и мысли, которые охватывали нас. А соответственно толкали на такие поступки, которые взрослому даже не пришли бы в голову. Это теперь мы понимаем. А тогда это было естественно и само собой разумеется. Шестьдесят подростков, мальчишек

и девчонок – это была «гремучая» смесь. Почти сразу все поделились на мелкие и не очень группки, связанные какими-то интересами, характерами и общими заботами. Причем девчонки и мальчишки образовали как бы два противоположных лагеря, которые на протяжении всего периода строили мелкие козни друг другу. Причем в изобретательности самых разных проказ, никто никому не уступал. Мы друг друга пугали разными привидениями, страшными лесными зверями, непонятными стуками, шорохом. Все это, особенно по ночам, в дремучем лесу, имело особенный окрас. Смешили, подтрунивали друг над другом, а потом, вечерами у костра, все вместе смеялись над собой.

Ну и конечно, мы с братом тоже были в одной маленькой группе. Возглавлял ее Серега Шашаткин. Он был старше нас на два года и был явный «лидер». Нас было пять человек, и каждый старался придумать что-то необыкновенное. «Шла война», вернее противоборство, даже не так, стремление выдвинуться в своем озорстве – все против всех. Но все в пределах. За целый месяц не было ни одной драки. Конфликты, обиды были, но все «рассасывалось» вечерами у костра.

Однажды кто-то из девчонок сказал, что видел недалеко от лагеря змею. Павел Петрович тут же провел с нами инструктаж. Как вести себя при встрече со змеей, как отличить гадюку от ужа и что надо делать при укусах. Он добавил, что река Дубна протекает по территории «ареала», где могут жить змеи и что они могут даже в воде плавать.

Мы, конечно, такую возможность, как поиск змей, упустить не собирались. И как только появилось свободное время, заготовили «рогатули» из орешника и пошли искать змей? Интересно же, да и опасно. Адреналин в крови. Что значит искать змей. Наша команда из пяти человек, пошла по глубже в лес, где был заболоченный участок. Как сейчас помню, идем, вода под ногами хлюпает. Лес какой-то серый. Даже солнечные лучи не могут пробиться сквозь листву и хвою. Все вокруг напоминало лес из страшных сказок, где из-за любого дерева мог выскочить и леший, и баба-яга, или какое-нибудь другое чудище. Причем, стояла какая-то неестественная тишина. Не слышно было птиц, даже ветер не шевелил листву. Отдельными кучками между деревьев росла болотная осока, стояли обломки стволов засохших и сгнивших деревьев. Если честно, было немного страшновато. Никогда ведь не знаешь, откуда может выползти змея. Поэтому мы старались снять эту напряженность громкими голосами, перекрикиваясь друг с другом, подбадривая, стучая палками по стволам деревьев, которые буквально стояли на переплетенных корнях, выступающих из заболоченной почвы. И вот в этих хитросплетенных корнях мы и начали искать змей. Подходишь к дереву, суешь между корней палку и начинаешь там «шуровать». Иногда лягушки выскакивали, а иногда и змейки. Я раньше не думал, что они так быстро ползают. А тут раз, мелькнула в траве, и ее уже не видно. Но все-таки без добычи мы не остались. Поймали несколь-

ко ужей и с легким сердцем, стараясь побыстрее покинуть это страшное место, гордо понесли их в лагерь, похвастаться. Я первый раз в жизни видел так близко и держал в руках змею. Какая-то мокрая, холодная. Держать приходилось чуть ниже головы, что бы не укусила. Длинной ужи были сантиметров по шестьдесят. Несешь ее, а она не просто висит, извивается, крутится, хвостом на руку наматывается. Ощущение не очень приятные. Зато все неприятные ощущения компенсировала горячая встреча в лагере. Все ребята хотели посмотреть и потрогать ужей. Вокруг нас кучковался народ. Все восхищались нами. Особенно приятно, когда это делали девчонки. Мы разошлись по лагерю и вокруг каждого из нас образовалась группа восторженных поклонников и поклонниц. А мы, гордые, давали возможность всем потрогать и поддержать змею и делали такой вид, что это совсем не страшно, что мы за раз можем по десятку, если надо, змеюк натаскать.

Вот так и развлекались. Часа через два, когда все уже насытились историями, о том, как и каким способом были пойманы змеи, натрогались и побаловались ими, лично я своего ужа отпустил в речку. А вскоре и другие ребята отпустили своих ужей. Но, конечно, разговоры об этом событии продолжались до позднего вечера.

Ночью, лежа в палатке, уже засыпая, я почувствовал, что мне понравилось то восхищение и внимание, которое мне оказывалось в связи с этим «подвигом» в кавычках. И мне захотелось на завтра еще сделать что-то такое... что бы по-

лучить еще такой положительный, эмоциональный заряд.

Немного отвлекаясь, хочу сказать, что тогда, вначале шестидесятых жизнь была довольно скучна информативно. Основная задача перед нами ставилась: – получить образование и быть здоровыми и крепкими. Для этого в каждом городке работали различные спортивные секции, кружки по интересам, в которые можно было ходить после школы и техникума. Но с точки зрения информативности был фактически ноль. Правда, в каждом доме была радиоточка, но телевизоры тогда только-только начали выпускать. Они были черно-белые, дорогие, и не каждая семья могла их иметь. Для молодежи отдушиной был вечер субботы и воскресенья. Ребята встречались на танцах в эти дни, ходили в кино, а вечером после танцев и кино гуляли по центру города, по шоссе, до шлюза и обратно. У нас это был «Бродвей». Обсуждали и рассказывали друг другу новости, сплетничали. Это сейчас у всех мобильники и можно быть в курсе событий постоянно, а тогда только по вечерам в выходные дни. А потом опять перерыв на неделю. Рассказывая о досуге в выходные дни, хочу сказать, что многие мальчишки и девчонки, в этом возрасте, начинали, как у нас тогда говорили, «дружить». Пятнадцать-шестнадцать лет, все молоденькие, красивые. На танцах была наша главная тусовка. Особенно в прохладное время года. Дворец культуры, где проходили танцы, был просторный, светлый. А в зале, где танцевали, висела громадная хрустальная люстра, освещавшая зал ис-

кристым светом. Полы были паркетные, натерты до блеска мастикой. Красивые колонны, балконы второго уровня, зеркала на стенах, все это создавало прекрасный интерьер и атмосферу. С одного края стояла небольшая сцена, на которой играл оркестр и пели певцы. Парни и девушки в красивых одеждах танцевали, знакомились, разучивали новые танцы. Иногда в отдельных закутках Дворца культуры выясняли отношения между собой, как парни, так и девушки. Был там даже буфет, где можно было купить конфет девчонкам и выпить пива. В общем, замечательное место для тусовки молодежи. Там влюблялись и ссорились, среди парней выстраивались иерархии, кто круче и сильнее. Создавались и распадались группы ребят и девчат. И, конечно же, танцевали... Чарлстон, Летку-енку, Рок-эн-рол, Буги-вуги танцевали очень редко, это были запрещенные танцы, но всем очень нравились. И когда дежурный милиционер, проверив порядок, уходил, то мы, конечно, «отрывались».

Так вот, я, лежа в темной палатке и слушая ночные шорохи леса, придумал. А что если на танцы принести змею? И если здесь, в лагере, это было очень эффектно, хотя и ожидаемо – все-таки в лесу живем, то на танцах, где гораздо больше народу, да еще эффект неожиданности присутствует, мне удастся похвастаться и приобрести дополнительный вес в глазах сверстников. Наверное, полночи я и раздумывал, о том, как все надо сделать. Ну и, конечно, в дреме представлял восторженные глаза девчонок и завистливые глаза ребят,

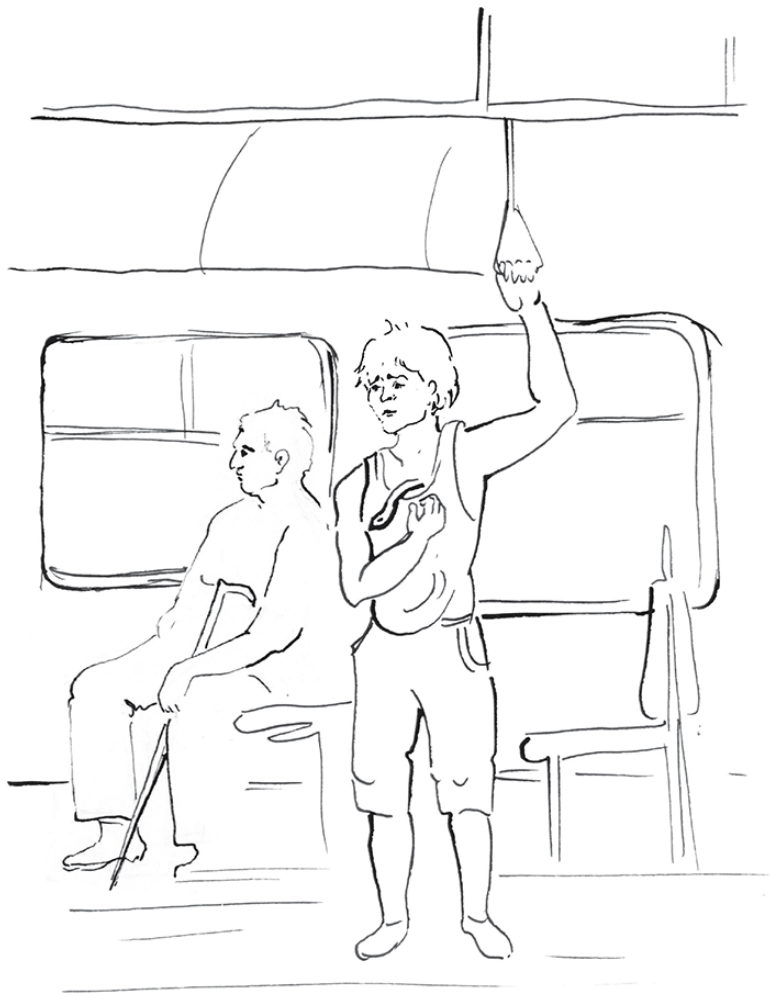
смотрящих на меня.

Утром, после всех обязательных дел, подошел к Сереге Шашат-кину и рассказал ему свою идею. Попросил помочь мне поймать змею побольше размером, для большего эффекта, так сказать. Втроем – я, Серега и брат Николай – опять пошли на то же самое место, где ловили ужей. Вооружившись палками и рогатулями, начали поиск. Короче, поймали мы змею. Длинной сантиметров девяносто, вся черная, толстая такая. Это была настоящая гадюка. Сильная, с трудом удерживали ее в руках. И честно говоря не знали, что с ней делать. Посоветовались и решили нести ее в лагерь. Опять все, конечно, собрались и стали смотреть на эту черную гадюку. Никто же не видел раньше ядовитых змей. Когда я нажимал ей под челюсть, она открывала пасть со страшными ядовитыми зубами и шипела. Ребята предложили ее убить, не выпустишь же здесь. Еще укусит кого-нибудь. А мне уже было жалко избавляться от такой страшной змеюки. Мне пришла в голову мысль. А что если ее зубы ядовитые вырвать? Придумано – сделано. Кто-то принес, по моей просьбе, пассатижи и я аккуратно, по одному, выдернул зубы, и ядовитые, и не ядовитые в том числе. И все, змея стала не опасна. Все, кто хотел, начали с ней играть, придумывать всякие штуки. Например, привязали хвост гадюки к длиной тонкой палке и стали ходить между палаток, пугая девчонок да и мальчишек тоже. Представляете, сидишь, значит, в палатке, читаешь книжку, а к тебе через открытый

полог змея ползет. Если бы рядом кто-то топтался, то сразу было бы понятно, ребята шутят, а мы подкрадывались изда- лека, и нас не было слышно, тонкая палка позволяла нам не заметно подкрадываться. Ну, конечно, шум, крики, гам. За- кончилось все тем, что мы все чуть не подрались. Мне отда- ли змею и сказали, чтобы убрал эту гадость куда-нибудь. Я нашел банку трехлитровую, засунул туда змею, закрыл ды- рявой крышкой, поставил к себе в палатку и стал собирать- ся в самоволку, на Яхрому. Была суббота, и вечером в До- ме Культуры будут танцы. Туда-то я и хотел попасть. Танцы начинались где-то в девять часов вечера, и мне надо было к этому времени туда подъехать, чтобы не болтаться по горо- ду. Ехать надо было на двух автобусах с пересадкой, и надо было время так подгадать, чтобы и приехать вовремя, и не попасться никому из знакомых на глаза. Да и со змеей во- прос. Как везти? Решил так в банке и везти, замотать в газе- ту и положить в сетку-авоську. Но потом передумал. Где я буду, на Яхроме ее доставать, как тащить на танцы. Там же и билеты надо в кассе покупать, и через контролеров прохо- дить, да милиционер там дежурный. Я решил ее везти за па- зухой, как иногда котят маленьких возят. И когда наступило время, вытащил из банки, потуже затянул ремень, и засунул ее за пазуху. Ощущение было, ну сами можете представить. Майки у меня не было, змея холодная. Сначала было очень не уютно. Но потом, все наладилось, змея от меня нагрелась, лежала таким комочком под рубашкой и не подумаешь, что

там не котенок, а гадюка. Так и поехал. Приехал с опозданием, далеко все-таки, да и пришлось подождать на пересадке, но зато к самому разгару танцев. Народу было полный зал. Музыка играла, все танцевали, хаотично двигаясь по залу. Время от времени выключали и включали основной свет – это как бы светомузыка была. В общем танцы, танцы, танцы. Танцевали парами, группками, по одному, перемещаясь по залу. Вроде как броуновское движение. Хорошо сразу не встретил своих дружков, а то не знаю, как бы поступил. А так, прошел во время очередного танца, между танцующими, сам вроде бы как танцующий, примерно на середину зала и во время очередного выключения света, выдернул рубашку из под ремня, змея и выпала, я даже не заметил как. А когда танец закончился и все стали как обычно отходить к стенам, включился свет. Кто-то взвизгнул, кто-то закричал. И не удивительно. В центре зала, на блестящем паркетном полу, под ярким светом хрустальной люстры лежала большая змея, свернувшись в клубок и подняв, сантиметров на пятнадцать голову и выпуская время от времени раздвоенный язык. Сказать, что все были в шоке, это еще ничего не сказать. Девчонки в легких платьицах, с голыми ногами, обутые в босоножки, ребята в плетенках (в то время была такая мода), все конечно жутко испугались. Да и взрослые, в том числе милиционер, не соображали, что надо делать. Все замерли, прошло несколько длинных минут. И тут, конечно, появился я. Аккуратненько, стараясь зайти с тыльной сторо-

ны змеи, резко подошел, схватил, чуть ниже головы, змею и поднял ее на вытянутой руке вверх. Она извивалась, пыталась хвостом обернуть мою руку. Но я уже понес ее на выход из зала, мимо десятков подростков, музыкантов и взрослых, бывших, там. Кто-то посмелей из ребят, когда я проходил мимо, пальцами трогали змею, да я и сам давал потрогать, но потихоньку, продвигаясь через толпу, вышел в холл, где ко мне подошел милиционер, посмотрел на змею и спросил, куда ее понесу. Сказал, что брошу с моста в реку. Он кивнул головой. От Дома Культуры до реки было метров пятьдесят. Меня провожало до реки человек сорок. Всем хотелось посмотреть, как я ее выброшу. Стоя на мосту, я размахнулся, как смог, и бросил змею в темный поток, протекающей под нами реки Яхрома.



Потом было триумфальное возвращение назад, на танцы. Такое уникальное событие всколыхнуло всех. Короче, я добился того эффекта, которого и хотел. Восторженные глаза девчонок, завистливые глаза ребят. Со мной все хотели познакомиться. Я для всех стал «героем». Когда танцы возобновились, я был в центре внимания. Все хотели со мной танцевать. В перерывах между танцами ко мне подходили ребята, кто поболтать, кто познакомиться. Всем хотелось быть поближе к такому смелому парню. Ну, я, конечно, не подкачал. Хвастался напрапалую, стал местной «знаменитостью». В общем, вечер удался...

Потом танцы закончились, выключили свет, разошлись все ребята по домам, а мне надо было добираться в лагерь. Автобусы уже не ходили. И я пошел пешком на железнодорожную станцию, чтобы утром с первой электричкой доехать до Дмитрова, а там на автобусе добраться до Вербилков. Пришел на станцию. Это было бревенчатое, обшитое досками здание, с большим залом ожидания внутри, кассой и деревянными лавками по периметру зала. Тускло горела лампочка в углу, я лег на одну из лавок и заснул, спокойным сном. С чувством полного удовлетворения собой.

Утром, я добрался до лагеря, во время, к подъему... Прошло с тех пор больше пятидесяти лет, и, рассматривая этот случай с высоты сегодняшнего возраста, мне становится как то неловко и немного стыдно за то, что я сделал. А тогда мне было хорошо...

Политура

*«Все царства мира – за стакан вина!
Всю мудрость книг – за остроту вина!
Все почести – за блеск и бархат винный!
Всю музыку – за бульканье вина!»*

Омар Хайям

К лету 1963 года я считал себя настоящим строителем. Наверное, так оно и было по тем временам. В Дмитровском строительном техникуме, в котором я очно учился с 1961 года, проводили или внедряли новые формы обучения, начиная со второго курса. Мы три дня в неделю учились и три дня работали на стройках народного хозяйства, как тогда говорили. Ну и, конечно, все летние месяцы. Если честно, нам это нравилось. Во-первых, мы знакомились с новыми людьми, осваивались и вливались в новые коллективы строителей, работающих по всему Дмитровскому району. Знакомились с новыми профессиями, о которых у нас раньше даже представления не было. Ну и наконец, мы реально зарабатывали деньги, небольшие, но это всегда было подспорье семейному бюджету. Знаете, как раньше было. Хочешь сходить в кино или на танцы – иди к родителям и проси денежку у них. А как стали работать, оставляешь маленькую записку – и свободен, в финансовом смысле. Так что я к этому периоду уже освоил несколько профессий на второй разряд, а шту-

катура даже на третий. Учитывая, что я к тому же занимался спортом, то был довольно самоуверенным, крепким пареньком, да еще и «настоящем строителем». И когда начальник ремонтно-строительного управления, по простому РСУ, в Дмитрове, товарищ Николаев пригласил меня в свой кабинет и предложил летом поработать «мастером» на стройке, то я, конечно, согласился. Но поставил один вопрос. Мне не было 18 лет, и я по закону, не мог быть материально – ответственным и не мог отвечать за «Технику безопасности» на объектах и при производстве работ. Но, знаете, как бывало, наступило лето, работы очень много. Мастера и прорабы, «штатные», не осиливают все. И начальство подыскивало для них помощников, самостоятельно строящих объекты, но под эгидой штатных ИТР. То есть отвечают за объекты и работу на них «штатные» прорабы, ну а вкалывают помощники. Так вот, меня прикрепили к прорабу, Шаронову Геннадию. Это был невысокий, крепкий, молодой мужчина, с сильно загорелым лицом и громким командирским голосом. Он дал мне стол в кабинете ИТР, довольно грамотно разъяснил мне мои обязанности, проэкзаменовал меня и, как мне показалось, остался доволен. И началась работа. Каждое утро – планерка. Отчет о проделанной работе и задачи на текущий день. У меня постоянно было от трех до пяти объектов, разбросанных по городу и району. Разброс по расстояниям был довольно большой. Один объект на улице Комсомольской, другой на Инженерной, третий в городе Яхроме

(это психиатрическая больница), четвертый на улице Оборонной. Я сейчас удивляюсь, как тогда ухитрялись работать. Подготовка проектно-сметной документации, материальных отчетов, расстановка людей по профессиям, обеспечение материалами, контроль за самими работами и их качеством. И все это пешком. Причем легкового транспорта не было вообще. Материалы и грузы перевозились или гужевым транспортом, то есть на телегах, запряженных лошадьми или самосвалах. Кроме того, был у нас какой-то мотороллер с кузовом, на котором развозили мелочевку. Так и работали. И все бегом, бегом. В тот день, о котором я хочу рассказать, мне пришлось работать в самой конторе РСУ. Управление тоже строилось и расширялось. За мной закрепили строительство двухэтажной ТП (трансформаторной подстанции). В этот день у меня там работало звено каменщиков: Николай Голубев, Суханов Виктор и Инюткин Глеб. Все каменщики со стажем, опытные. Все бывшие сидельцы-то есть бывшие заключенные. Летом, когда было жарко, они раздевались до пояса и я с любопытством рассматривал украшенные татуировками тела рабочих. Кстати, только тогда я узнал, что у нас в СССР каждый второй мужчина сидел в лагерях или тюрьмах. Это было шоковым открытием. Слышал, что в свое время за десяток колосков «сажали», за опоздание или не выход на работу «сажали». Было очень много различных статей «УК» направленных в основном на граждан.

Мы, молодые ребята шестнадцати-восемнадцати лет, в

пятидесятых годах, жили совершенно свободно и не задумывались над изнанкой жизни. А вот на стройке мне она стала открываться и этой стороной. Когда из сорока человек, работающих у меня на объектах, примерно тридцать пять бывших «ЗК», начинаешь понимать инструкции прораба, касающиеся дисциплины, пьянки, отношениям в коллективах. Хотя, с другой стороны, как себя поведешь. Если работаешь как «вол», то и отношение к тебе со стороны рабочих ответственное. У меня, например, очень редко было, чтобы рабочие сидели без работы и материалов. А значит, и рабочие могли работать без простоев. И получать по тем временам нормальную зарплату, которая была примерно от рубля семидесяти копеек до двух рублей в день у квалифицированных работников. У подсобных поменьше. Но вернемся на стройку. На площадке «ТП» у меня стоял автомобильный кран с электроприводом и работало звено каменщиков. Постоянно подвозили раствор и кирпич. Работа «кипела». Приятно было видеть, как ряд за рядом растет кирпичная кладка, монтируемая опытными руками каменщиков. Я то убегал на другие объекты, то залезал на леса, с которых вели кладку, для проверки качества. И очень заинтересовал меня автокран, который беззвучно делал «вира»-«майна», подавая раствор в бадьях и кирпич на поддонах на леса второго этажа «ТП». А когда наступило время обеда и все рабочие ушли на обед, то я, быстро перекусив своим «тормозком», залез на кран. Кабина крановщика по тем временам выгля-

дела не менее эффективно, чем сейчас кабина космического корабля. Всякие цветные кнопки, никелированные тумблеры, лампочки приборов, переключатели крановых операций контроллеры – все это меня ошеломило, и захотелось попробовать включить оборудование и поработать самому. Учтывая, что под каждым рычажком, переключателем, лампочкой висели металлические таблички с описанием, для чего они нужны, мне показалось довольно просто управлять краном. И я нажал главную кнопку включения крана. Пульт управления сразу засветился зелеными огоньками в ожидании дальнейших действий.

Уходя на обед, рабочие зацепили стропами поддон с кирпичом, чтобы стропы не болтались на ветру. Вот я и решил поднять краном кирпич на леса, чтобы удивить ребят. Рассмотрев на пульте переключатель «подъем груза», он в это время находился в нейтральном положении, я включил его в положение «вира». Электромоторы слегка загудели, стропы натянулись, и поддон с кирпичом начал подниматься. И довольно быстро, как мне показалось. Тут я решил одновременно с подъемом кирпича повернуть стрелу, чтобы подвести кирпич к лесам, и включил переключатель «стрела влево». У меня груз поднимался на высоту второго этажа и одновременно поворачивался налево, к лесам. И в последние секунды я понял, что делаю что-то не то, но не успел ничего предпринять. Поддон кирпича весом, примерно, в одну тонну врезался в свежевыложенный простенок и завалил его на

леса, при этом рассыпавшись на отдельные кирпичи. Поддон с кирпичом так же развалился и стропы заболтались в воздухе. Единственное, что я успел сделать, нажать на кнопку выключения крана. И все встало. Кран стоит, стропы болтаются, позвякивая крюками, по улице ко мне бежит настоящий «прораб», Генка Шаронов. Подбежал, посмотрел, поорал на меня матюгами. Но так как я кран не сломал, только кладку «завалил», которую люди пол дня делали, сказал:

– С мужиками сам договаривайся, – и ушел.

После обеда подошли каменщики и крановщик. Залезли все на леса. А там настоящий кавардак. Кирпичи завалили банки с раствором, по лесам невозможно было пройти, инструменты тоже оказались под завалом. Мужики чесали «репу» и как мне показалось, решились дара речи. Наконец Глеб мне говорит:

– Ну, Федорыч, ты попал, – они меня так по отчеству звали, ну как же, «мастер» у них. А я что? Сам понимаю, что натворил. Я им сказал, чтобы они подумали, как компенсировать их разрушенную работу. Они втроем стали между собой что-то обсуждать, а я в это время подошел к крановщику, его звали Дмитрий, чтобы разобраться, как у меня не получилось работать на кране. Короче, после разговора, стало понятно, что для того чтобы работать, необходимо довольно долго учиться. «Набивать» руку и глазомер. И я с ним договорился, что он меня поучит работать на кране под его наблюдением. Каменщики закончили совещаться и позвали меня.

Я, честно говоря, уже прикинул, сколько стоит работа по переделке, и у меня вышло примерно пять рублей. Это была моя дневная зарплата. Ну что делать, я же сам все натворил и уже смирился с этой денежной потерей. Глеб, он у них за старшего был, говорит мне:

– Федорыч, мы сегодня работать больше не хотим. День не задался. Нет желания работать, хотим «выпить». – и добавил некоторую многоэтажную нецензурную конструкцию.

– Нет, ребята, с объекта уходить нельзя, – сказал я. – Начальство за уход с работы по голове не погладит.

– А мы и не уйдем, здесь выпьем, а ты нас прикроешь. Мы будто бы порядок наводим, – хитро усмехнувшись, сказал он. – Мы потом все наверстаем, – сказал Николай.

– Где тебе, пацану, денег-то взять? – как бы подбил итог Виктор.

Короче, я согласился. Вот, думаю, где они водку возьмут? Ну и спросил их. Они посмеялись:

– Пошли с нами на леса, мы тебе покажем, что пьем, – сказал Глеб. Ну мы пошли. Я сел в углу на лесах на какой-то ящик, а мужики откуда-то достали замызганные стаканчики и пол-литровую бутылку странного цвета. Когда я пригляделся, то офигел. Это была бутылка с «политурой». На ней, кстати, было написано слово «Яд» на этикетке.

– Ребята, как вы будете это пить? – спросил, я.

– А ты смотри и запоминай, – засмеялся Виктор. – Вдруг в жизни пригодится. Мне на это нечего было сказать, и я

стал смотреть. Ребята втроем сошлись в кружок. Очистили от сургуча головку бутылки. А пробка-то резиновая, да не выступает наружу. Вот думаю, как они будут доставать ее. Все оказалось проще. Виктор взял бутылку, очистил на лесах место от осколков кирпича и мусора и стал стучать донышком бутылки о толстую доску. Пробка и вылезла. Я подошел поближе, посмотрел на бутылку, понюхал ее у горлышка. В общем, ужас, отравка натуральная. «», чтоб вы знали, это средство для полировки деревянных окрашенных поверхностей. Пить такую гадость нельзя. Так я им и сказал. А они мне прочитали целую лекцию и по финансовому вопросу, и по химии. Бутылка водки стоила два шестьдесят. Это больше дневного заработка рабочего, то есть довольно дорогое удовольствие, а бутылка «Политуры» – пятьдесят четыре копейки. Здесь «Политура» явно берет верх. Теперь насчет химии. Виктор, посмеиваясь, достал из-за пазухи кулечек с солью, перелил примерно полбутылки в стакан и в горлышко, в остатки «Политуры», высыпал целую горсть соли. Потом заткнул пробкой бутылку и отдал Николаю. Тот начал ее трясти, как бы взбивая, и через некоторое время, вынув пробку, стал выливать из бутылки отстоявшуюся жидкость. Была она противного серо-зеленого цвета. Мужика разлили ее по трем стаканчикам и хотели уже выпить. Я их остановил. Попросил дать понюхать. Понюхал. Пахло явно алкоголем с каким-то противным химическим запахом.

– Все чисто. Вся грязь и химия осталась в бутылке, – ска-

зал Николай, взял бутылку и вылил оттуда комок слизи, такого противного цвета, что меня чуть не стошнило.

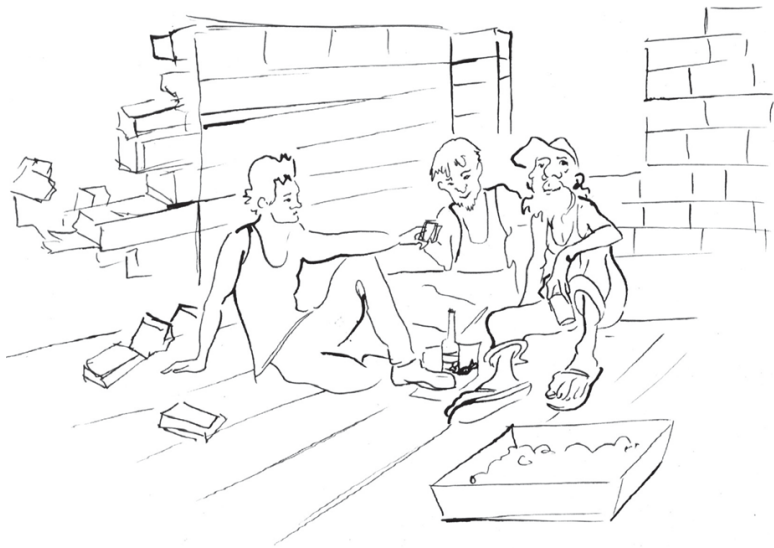
– И вы это будете пить? И без закуски? – спросил, я.

– Конечно, с закуской, – сказал Виктор и достал из кармана две карамельки.

Потом они выпили эту гадость, закусили одной карамелькой на троих. Прделали очередную процедуру с остатками политуры и снова выпили остатки, закусив второй карамелькой. Я был в шоке. Мне казалось, что они сейчас или немного погодя помрут, а мне отвечать придется за них. Да и жалко было их. А они расслабились, развалились на лесах в разных углах подстанции и стали «травить» всякие байки и анекдоты. Видя мои переживания, Глеб начал мне рассказывать и просвещать, как можно напиться «Денатуратом» и не отравиться; средством для укрепления волос «Резолью», каплями пустырника, купленного в аптеке, и многими другими техническими жидкостями, продающимися в «Хозмагах». Рецептuru я здесь описывать не буду, во избежание..., но тогда мне понемногу стали открываться глаза на жизнь в стране, на свою профессию. Наше государство поставило всех своих граждан в такие рамки, что нормальным человеческим языком невозможно описать. Поэтому на стройке в то время основным языком был «матерный». Люди были вынуждены напиваться, уходя от реальной действительности, а так как денег было очень мало, то и пили всякую гадость. Забор починить, кран водопроводный поменять, да любую услугу

оказать – цена в «бутылках». И если сейчас все у нас считается на «бабки», то есть деньги, да еще с «зеленым» президентом, то тогда и почти всю мою профессиональную жизнь единым мерилom, к сожалению, была бутылка водки. Долгие десятилетия, включая и «перестройку», это была, можно так сказать, «жидкая» валюта. Весь наш народ сам над собой смеялся, рассказывая тысячи анекдотов про пьянку. Но пили все, от простого колхозника до Генерального секретаря партии, по любому поводу и без повода тоже. Но и спустя больше полстолетия до сих пор помню, как три нормальных русских мужика-строителя – пьют какие-то, извиняюсь, зеленые «сопли», чтобы скрасить свою беспросветную жизнь. И мне до сих пор как-то неуютно и тяжело в душе...

Кстати, подстанцию под моим чутким руководством достроили и запустили. Она до сих пор выполняет свою функцию во дворе ремстройуправления на улице Комсомольская.



Химия и карьера

«Глубокие знания позволяют держаться на поверхности...»

«Учится надо всю жизнь, до последнего дыхания...»

«Сделанное и дурак поймёт...»

Гомер

Так уж устроено в жизни, что мы, начиная с детских, можно даже сказать, младенческих лет чему-нибудь учимся. Сначала навыки идут чисто житейские. Учимся ходить, есть, пить, одеваться, обуваться, шнурки, наконец, завязывать. Учимся адаптироваться в разных жизненных условиях и окружающей среде. Учимся правильно вести себя в обществе.

И так примерно до семи лет. Как всем известно, все дети с семи лет идут в школу – учиться. И если до этого момента учеба каждого человека была нужна для всей остальной жизни, то после семи лет каждый человек учится под давлением диктата. Ему, хочет он или не хочет, говорят, что надо учить. Водят в школу, иногда специализированную, заставляют учить разные предметы. Раньше в школе учились семь или десять классов, потом восемь или десять, а сейчас девять или одиннадцать классов. Причем, иногда еще детей возят, заставляют ходить в другие, специальные, школы. Му-

зыкальные, танцевальные, ну и так далее. Родители делают это для того, чтобы их чада были подготовлены к дальнейшей жизни, смогли стать культурными, грамотными людьми. После школы ребят отправляют учиться дальше. Или выпускают в самостоятельную жизнь – работать. Конечно, почти все родители (предки), как их иногда называют дети, хотят, чтобы их дети поступили в институты или хотя бы в техникумы. Так вот, те, которые идут дальше учиться, опять попадают под прессинг знаний, которыми забивают им головы. Вот и я, по опыту учебы в техникуме, да и в институте, знаю, что в зачетке нужно получить больше сотни подписей преподавателей по сданным экзаменам: и там, и там. Студентов учат годы и годы, вкладывают им знания, которые в массе своей им на практике будут не нужны.

Меня удивляет та же математика. Уже в старших классах нас учат логарифмам, дифференциальному и интегральному исчислению, потом это повторяется три года в техникуме, потом три года в институте. На практике это нужно будет только тем ребятам, которые пойдут в науку. А это один из тысяч. Но учат-то всех, и это миллионы. Возьмите тригонометрию, все учат ее в школе, сдают экзамены. Спросите любого взрослого, что такое синус, косинус, тангенс, котангенс, – для чего они нужны? И вам из десятков тысяч человек ответят единицы. А для чего они нужны в работе, не ответит толком никто.

Учат историю, начиная, чуть ли не с первого класса. Пара-

докс. Сколько существует академиков-историков, столько и учебников. У каждого своя версия истории, не только страны, но и всего мира. Приведу в пример академика Фоменко. Так и по всем другим предметам. Физика, химия, биология, да их не пересчитать. Чтобы стать инженером или врачом, надо учиться пятнадцать лет. И никаких гарантий, что ему пригодится большинство знаний нет. Поэтому когда видишь школьников с портфелями, неподъемными от веса учебников, рюкзаками за спиной, начинает беспокоить какое-то смутное, необъяснимое чувство жалости к ним или еще чего-то такого, что нельзя выразить внятно, словами. Понимание того, что им предстоит в будущем и чем закончатся попытки загрузить громадный объем знаний в их головы, заставляет нас вздыхать и ворчать (про себя, конечно). То же происходит и с получением знаний в техникумах и институтах. Как я уже говорил, к финалу учебы, в зачетке у студента, должно значиться чуть больше ста предметов. И все они с гордостью показывают, своим родным и близким друзьям эти «пройденные» предметы, в своих «зачетках». Почему «пройденные» в кавычках? Да потому, что студенты повзрослее детишек-школьников и понимают – представляют место полученных знаний в будущих их профессиях. Сколько шуток и анекдотов «ходит» среди них про «счастливые» билетки на экзаменах, про шпаргалки, про «слепых» преподавателей, которые на экзаменах не видят, как списывают чуть ли не в открытую..., да и про многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.